

кануне готских войн, на более раннее время. Боспорское царство, являясь союзным Риму государством, проводило не только согласованную с империей внешнюю политику, но во II в. выплачивало определенный трибут. Вероятно, его размеры римская администрация могла периодически увеличивать в связи с финансовыми затруднениями, которые были связаны с непрекращающимися войнами, как на Востоке, так и на Западе.

V. M. Zubar, M. V. Skrzhinskaya

CONCERNING INTERPRETATION OF ONE WRITTEN SOURCE (Luc. Alex., 57)

The story told by Lucian about the meeting with Bosphorian ambassadors in small Asia-Minor town Agial is analyzed. The authors have come to the conclusion that there are no forcible grounds at present to think over allocation of annual monetary bounties to the Bosphorian kingdom made by the Roman administration in the 2nd cent. A. D. as well as to put the situation which took place on the eve of the Goethic wars to the earlier period. The Bosphorian kingdom not only carried out foreign policy agreed with the empire, but also paid a definite tribute in the 2nd cent. A. D. The Roman administration, probably, was able to increase the sum of the tribute sometimes, when it was reasoned by financial difficulties that appeared as a result of continuous wars both in the west and in the east.

ОЛЬВИЯ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ С ВНЕШНИМ МИРОМ В VI—I вв. до н. э. (вопросы периодизации)

Я. В. Доманский, Э. Д. Фролов

В статье рассматривается историческая периодизация Ольвии доримского времени в ее контактах с окружающим миром. Выделяются две главные эпохи (VI — первая четверть III в. до н. э. и середина III — середина I в. до н. э.), внутри которых выделяются пять более узких периодов, характеризующихся определенными приоритетами во внешней политике Ольвии.

В истории Ольвии доримского времени совершенно определенно наблюдаются две эпохи отношений полиса с внешним миром. Первый этап (VI — первая четверть III в. до н. э.) характеризуется часто интенсивными, иногда даже наступательными действиями полиса в разных сферах его внешней деятельности. Второй этап (со второй четверти или даже середины III до середины I в. до н. э.) противоположен первому. Он носит сугубо оборонительный, пассивный характер; очевидно, часто даже вставал вопрос о самом существовании города, велась жестокая борьба за его выживание.

Названные две главные эпохи включают отдельные, со своими приоритетами, периоды в истории внешней политики Ольвии. Их содержание составляют три главнейших темы: взаимодействие Ольвийского государства с греческими полисами Понта, взаимодействие с туземным варварским населением Северного Причерноморья и, наконец, контакты, связи с другими центрами греческой цивилизации, равно как и некоторыми эллинизированными соседями греческого мира.

Первый период — это время от возникновения Ольвии до рубежа первой половины V в. до н. э. Сразу же после основания города началось распространение его земельных владений по ближайшей округе, первоначально носившее скромный характер. Особое значение имело слияние двух центров — Ольвии и Борисфена (на Березани) — в единое политическое и гражданское

© Я. В. ДОМАНСКИЙ, Э. Д. ФРОЛОВ, 1997

целое. Важнейшим моментом было появление вокруг Ольвии уже многочисленных поселений, создававших тем самым обширную хору города. Очевидно, что в этот начальный период жизни Ольвии ее государственная политика во многом концентрируется на интересах к ближнему региону, сосредотачиваясь на процессах формирования полисного пространства на территории Нижнего Побужья.

Такой ход истории региона в VI в. до н. э. более или менее ясно вырисовывается на основе как археологических данных, так и сообщений письменных источников. Так, материалы поселения у Широкой балки, близ южной границы Ольвии, указывают на первые шаги ольвиополитов в освоении близлежащих земель, а раскопки на берегах лиманов региона представили целый ряд поселений архаического времени, появившихся около середины VI в. до н. э. О территориальных владениях Ольвии говорит и надпись — граффито на черепке, названное «письмом жреца», относящееся приблизительно к середине VI в. до н. э.¹. О взаимоотношениях же Ольвии и Борисфена красноречиво свидетельствует другой эпиграфический документ — костяная пластинка с нанесенным на нее текстом, найденная на Березани и датированная третьей четвертью VI в. до н. э.².

Вероятно, явных противоречий с варварским населением Северного Причерноморья в это время не возникало. Неизвестны и какие-либо существенные действия и контакты между Ольвией и другими понтийскими полисами. Что касается связей с центрами Средиземноморья, то здесь важнейшее место занимали, судя по археологическим материалам, связи экономического, торгового порядка.

Второй период приходится на время со второй четверти V в. по первую четверть III в. до н. э. Начинается он с нажима скифов на ольвийский полис, вмешательства их в его жизнь, возможно, приведшего к установлению определенной зависимости города от варваров³. По-видимому, в связи с этим и фиксируется археологическими исследованиями упадок ольвийской хоры. Но ничего непоправимого в судьбе Ольвии не происходит. Экономика города в целом успешно развивается⁴. Очевидно, к ольвийскому полису относительно скоро возвращается стабильность. И в дальнейшем довольно долгое время в отношениях Ольвии с варварским окружением преобладало мирное начало. Это сопровождалось различными проявлениями исходившего из Ольвии воздействия эллинизма на мир варваров, в частности, экономического характера. Торговые связи с варварами распространялись как на близкие, так и далекие от города территории. В области политики, в отношении культуры, религии, быта варвары — в лице высших слоев общества — воспринимали роль Ольвии, испытывали ее влияние, по существу, именно как центра эллинской цивилизации.

Вообще же, во второй половине V в. до н. э. Ольвия становится важным центром межэтнических и межгосударственных отношений в Северном Причерноморье. Не исключено, что скорому освобождению ольвиополитов от скифской опеки способствовало вхождение их в орбиту афинского влияния и приобретение в лице Афин в самом эллинском мире нового сильного покровителя. Включение Ольвии в Афинскую архэ могло произойти, скорее всего, во время экспедиции Перикла в Понт, датированной, по наиболее вероятной версии, началом 30-х гг. V в. до н. э.⁵. Впрочем, зависимость Ольвии от Афин не могла быть продолжительной ввиду скорого крушения Афинской архэ в Пелопоннесской войне. В начале IV в. ольвиополиты могли вполне самостоятельно вести активную внешнюю политику, оспаривая, в частности, у Херсонеса Таврического господство в Северо-Западном Крыму. Здесь, на Тарханкутском полуострове, ими были возведены укрепления, следы которых обнаружены, в частности, на поселении Панское-1⁶. Правда, эта акция завершилась для них неудачно, но город оставался достаточно сильным, чтобы в последней трети IV в. до н. э. отразить нападение полководца Александра Македонского Зопириона и, таким образом, на целый ряд лет отстоять свое в полной мере независимое существование⁷. Целям укрепления внешнеполитического положения служило и возобновление Ольвией тогда же или чуть позже традиционной исополитии со своей метрополией Милетом⁸.

Третий период — приблизительно от середины III в. до середины II в. до н. э. Время, в основном, трудное для Ольвии. Менялась обстановка в большом степном окружении полиса. Внутреннее состояние собственно скифского общества становилось иным. В среде этого кочевнического общества возникает новая тенденция в развитии экономики — земледельческая, сопровождаемая переходом к оседлости. Но естественным образом такой путь развития не имел продолжения на большей части территории Скифии. Все более усиливался натиск соседей на скифов, прежде всего со стороны сарматов, наступательная активность которых возрастала. Менявшаяся ситуация в степях, новые продвижения кочевых племен плохо сказались на положении ольвийского полиса и его отношениях с варварским миром. Сначала пострадала ольвийская хора, а спустя некоторое время, в последней трети III в. до н. э., невзгоды обрушились и на саму Ольвию.

Ольвийский полис переживает плачевное состояние, нашедшее отражение в декрете в честь Протогена, где запечатлен глубокий трагизм ситуации, сложившейся в результате действий варваров. Прямой натиск варваров на город; невозможность нормальной земледельческой деятельности на хоре и обусловленная этим нехватка продовольствия; необходимость откупаться от варварских царьков щедрыми дарами, которые превращались в регулярную разорительную дань; вызванное этим истощение казны и глубокий финансовый кризис; невозможность, из-за недостатка средств, починки старых и возведения новых укреплений, равно как и ремонт пришедших в негодность кораблей; нарастание внутренней напряженности из-за массовой задолженности граждан и опасной активности рабов; наконец, как общий результат, все большая зависимость полиса — государства и общества — от благотворительности отдельных богатых лиц вроде Протогена, — такова была безрадостная ситуация, в которой оказалась Ольвия, по свидетельству эпитафического источника, в последней трети III в. до н. э.⁹ Есть все основания считать «протогеновскую» картину, в целом, типичной для этого периода. Тем не менее Ольвийское государство сохраняло еще интерес и силы для внешнеполитических инициатив. Так, около 260 г. до н. э. ольвиополиты, возможно, приняли участие в войне, вспыхнувшей между Каллатией и Истрией, с одной стороны, и Византием, с другой, за обладание гаванью Том. В этом конфликте ольвиополиты, очевидно, ввиду какого-то соперничества с истрийцами выступали на стороне Византия¹⁰. В начале следующего столетия ольвийский полис в лице своего посланца — Никерата, сына Папия, принял участие в улаживании гражданских неурядиц в Херсонесе Таврическом, в чем надо видеть свидетельство сохранявшегося еще авторитета Ольвии в делах причерноморских городов¹¹.

Четвертый период охватывает вторую половину II в. до н. э. Суть его в полной мере была подготовлена всем ходом событий предшествующего периода. Главнейшая проблема, от которой зависело существование полиса, — отношения с варварским окружением, и прежде всего, защита от надвигающегося с запада нашествия полудиких племен, в частности, родственных германцам бастарнов, — находит вынужденное разрешение в принятии городом покровительства скифских царей, ставших гарантами его безопасности. Ольвия становится зависимой от скифов на государственном уровне. Над ней устанавливается протекторат царя Скилура — главы нового Скифского государства с центром в Крыму, но с зоной влияния, простиравшейся до низовий Днепра и Буга. Разумеется, Скилуру и его сыну и преемнику Палаку была ясна выгода подчинения и использования в своих целях такого крупного приморского города как Ольвия, особенно для реализации на причерноморских или более далеких рынках той богатейшей сельскохозяйственной продукции, которой они располагали. Это понимание должно было диктовать скифским царям бережное отношение к вновь подчиненному греческому городу, который, благодаря этому, не только получил гарантии безопасного существования, но даже сохранил внутреннее самоуправление¹².

Пятый период (конец II — первая половина I в. до н. э.) отмечен вмешательством в жизнь Ольвии совсем иной внешней силы, пришедшей на смену вынужденным оставить город скифам. Вместо протектората варварского царя

утверждается власть эллинизированного малоазийского властителя — Ольвия включается в состав Понтийского царства Митридата VI Евпатора. По-видимому, это произошло в рамках или вскоре после крымской кампании Митридата, хорошо известной благодаря свидетельствам Страбона и эпиграфическим источникам (110—108 гг. до н. э.). Размещенный в Ольвии понтийский гарнизон, разумеется, обеспечивал принадлежность города к новому всепонтийскому державному единству, но вместе с тем служил ему и защитой от нашествий варваров¹³. И опять, как и после кончины Скилура, со смертью Митридата Евпатора Ольвию ждали новые внешние потрясения и перемены, на сей раз последние: в середине I в. до н. э. город был взят и уничтожен гетами¹⁴. И хотя позднее уцелевшие жители вернулись на пепелище и восстановленный ими город продолжил свое существование с помощью римлян вплоть до IV в., прежнего расцвета достичь не удалось.

Судьба понтийской Ольвии весьма поучительна. Еще в середине V в. до н. э. Геродот, посетивший Ольвию в конце своего путешествия в Понт, определил этим последним пунктом конец эллинской ойкумены. С тех пор в античные века немного изменилось — в этом плане за Ольвией всегда продолжала оставаться роль крайнего форпоста эллинской цивилизации на севере. Этот Счастливый город, основанный на границе двух миров, варварского и цивилизованного, всегда жил на острие меча. Времена спокойствия в его жизни сменялись по вине его соседей взрывами, чреватými тяжкими осложнениями. Но если эти осложнения с миром цивилизованным, эллинским и эллинистическим, почти никогда не несли в себе рокового исхода, то отношения с миром варваров в конце концов завершились катастрофой.

И начало и конец исторического существования Ольвии глубоко символичны: основание греками на краю ойкумены города с сулившимся успех именован Счастливого выражало надежду формирующейся западной цивилизации на успешное взаимодействие с миром евразийских варваров, однако уничтожение этого города на шестом веку его существования полчищами Бурбисты оборвало начатый процесс, проиллюстрировав, таким образом, всю сложность и ненадежность того исторического синтеза, который со времен Эд. Мейера и М. И. Ростовцева завораживает умы новейших историков и культурологов.

Примечания

¹ Русяева А. С. Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. — К., 1987. — С. 146, 147; Виноградов Ю. Г. Политическая история ольвийского полиса VII—I вв. до н. э. — М., 1989. — С. 65, 66.

² Русяева А. С. Милет — Дидимы — Борисфен — Ольвия: проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. — 1986. — № 2. — С. 25—64; Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 78—80.

³ Ср.: Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 90—109, где доказывается возможность установления скифского протектората над Ольвией.

⁴ Лейпунская Н. А. Особенности экономического развития Ольвии в V в. до н. э. // Проблемы исследования Ольвии. — Тез. д. кл. — Парутино, 1985. — С. 45, 46.

⁵ Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 126—134. Датировку Понтийской экспедиции Перикла см.: Брашинский И. Б. Понтийская экспедиция Перикла // ВДИ. — 1958. — № 3. — С. 110—121; Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VII—II вв. до н. э. — М., 1963. — С. 56 сл.

⁶ Щеглов А. Н. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н. э. // Античная гражданская община. — Л., 1986. — С. 165 сл.; Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. — М., 1990. — С. 313 сл., 322 сл.; Золотарева М. И. Междолисные отношения в Северном Причерноморье в конце V — первой половине IV в. до н. э.: Херсонес, Боспор и Ольвия // Междолисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху: экономика, политика, культура. Материалы к конференции. — Севастополь, 1992. — С. 150 сл.

⁷ Историю осады Ольвии Зопирионом см.: Латышев В. В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. — СПб., 1887. — С. 61—66; Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 150 сл.

⁸ Жебелев С. А. Милет и Ольвия (1929) // Северное Причерноморье. — М.—Л., 1953. — С. 38—47; Виноградов Ю. Г. Указ. соч. — С. 168—170.

⁹ Латышев В. В. Указ. соч.— С. 66—114; Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 177 сл., с новой датировкой протогеновской надписи.

¹⁰ Соломоник Э. И. Новые данные о связях Ольвии с Истрией // КИО.—1970.— Вд. 52.— С. 433 сл.; Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 179 сл.

¹¹ Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 183—186.

¹² Латышев В. В. Указ. соч.— С. 114—139; Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 230—250.

¹³ Ростовцев М. И. Митридат Понтийский и Ольвия // ИАК.— 1907.— Вып. 23.— С. 21—27; Жебелев С. А. Ольвия и Митридат Евпатор (IOsPE 1², 35) (1940) // Северное Причерноморье.— М.—Л., 1953.— С. 275—296; Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 250 сл.

¹⁴ Латышев В. В. Указ. соч.— С. 145—160; Виноградов Ю. Г. Указ. соч.— С. 263—272.

Я. В. Доманський, Е. Д. Фролов

ОЛЬВІЯ У ВЗАЄМИНАХ З ЗОВНІШНІМ СВІТОМ У VI—I ст. до н. е. (питання періодизації)

В історії Ольвії доримського часу виділяються дві великі епохи у відносинах полісу з зовнішнім світом. Перший етап — VI—перша чверть III ст. до н. е. — характеризується інтенсивними діями поліса в різних сферах його зовнішньої діяльності. Другий етап — від середини III—до середини I ст. до н. е. — несе суто захисний, пасивний характер. Кожна з цих епох поділяється на вузлі періоди.

Перший — від часу виникнення Ольвії до межі першої та другої чвертей V ст. до н. е. — характеризується розширенням земельних відносин по найближчій околиці та злиттям Ольвії і Борисфена (Березані).

Другий період — друга чверть V—перша чверть III ст. до н. е. — позначена натиском скіфів та занепадом ольвійської хори, але в той же час економіка міста розвивається в цілому успішно.

Третій період — середина III—середина II ст. до н. е. Зміни у великому степовому оточенні ведуть до поступового занепадання поліса, що знайшло відображення в декреті Протогена.

Четвертий період припадає на другу половину II ст. до н. е. Місто було змушене прийняти протекторат царів нової Скіфської держави, але при збереженні внутрішнього самоврядування.

П'ятий період — кінець II—перша половина I ст. до н. е. Замість протекторату варварського царя встановлюється влада Понтійського Царства. Після смерті Митридата Евпатора, в середині I ст. до н. е., місто було взято та знищено гетами.

Ya. V. Domansky, E. D. Frolov

OLBIS AND ITS RELATIONS WITH THE WORLD AROUND IN THE 6 th—1 st cent. B. C. (Periodization Problems)

History of pre-Roman Olbia identifies two large-scale epochs in relations between the polis and the world around. The first stage (the 6 th cent. — first quarter of the 3 d cent. B. C.) is characterized by intensive actions of the polis in various spheres of its foreign activity. The second stage (the mid 3 d cent. — mid 1 st cent. B. C.) is of a protective and passive character. Each of these epochs is subdivided into narrower periods. The first of them (from the time of Olbia appearance to the time between the first and second quarters of the 5 th cent. B. C.) is characterized by expansion of the ground relations in the nearest neighbourhood and confluence of Olbia and Borysphen (Berezan). The second period (the second quarter of the 5 th and the first quarter of the 3 d cent. B. C.) is known for onslaught of the Scythians and decay of the Olbian chora, though at the same very period economy of the polis developed successfully on the whole. The third period (from the mid 3 d to the mid 2 nd cent. B. C.) is characterized by changes in the great steppe surroundings, which has led to a sad state of the polis mirrored well in the decree of Prothogenus. The fourth period which embraced the second half of the second cent. B. C. was the time when the polis was forced to take protectorate of tsars of the new Scythian state, the inner self-organization being preserved. The fifth period dated the end of the 2 nd and first half of the 1 st cent. B. C. was the time when the protectorate of the barbarian tsar was changed by the rule of the Pontian kingdom. After the death of Mithridates Eupatorus in the mid 1 st cent. B. C. the polis was seized by the Gets and demolished by them.